
*Илья Илишев***ОНТОЛОГИЯ, ФАКТИЧНОСТЬ, ГЕРМЕНЕВТИКА:
МЕЖДУ ОНТОЛОГИЧЕСКИМ ПОЗНАНИЕМ И
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ (ПРЕДИСЛОВИЕ К
ПУБЛИКАЦИИ)**

Лекционный курс летнего семестра 1923 года «Онтология (герменевтика фактичности)» занимает особое место в истории феноменологической философии. Во-первых, это один из первых манифестов герменевтической трансформации феноменологии. Запись лекционного курса остается единственным текстом Хайдеггера, в заглавии которого вынесено слово «герменевтика». Во-вторых, в этом курсе мы находим первые наброски феноменологической онтологии. Здесь мы, пожалуй, впервые сталкиваемся с идеей онтологической проблематики как основной для феноменологических исследований. И, last but not least, этот лекционный курс послужил мотивационной основой для проекта философской герменевтики, разработанного Хансом-Георгом Гадамером в 50-е годы.

В этом лекционном курсе сходятся и образуют единую ткань несколько тематических линий и несколько интеллектуальных традиций. В продуктивное сопряжение входят новейшая феноменологическая методология, древняя теория истолкования и протестантская теология. В единый тематический комплекс при этом объединяется то, что ранее казалось несовместимым: всеобщие онтологические структуры, радикальная историчность человеческого существования, предпосылки познавательной деятельности и повседневное самосознание. Как же связаны между собой эти тематические линии и эти традиции?

Онтология и фактичность

В экспозиционной части лекционного курса Хайдеггер дает ряд важных терминологических пояснений. Он начинает с того, что подчеркивает формальный и «ни к чему не обязывающий» характер употребляемого им выражения «онтология». Идея философского понятия как «формального указания» – часть методического обеспечения герменевтически-феноменологического исследования. Работа с понятием, его историей и прагматикой составляет ключевой отличительный признак хайдеггеровского понимания феноменологии. Понятия для Хайдеггера – это отнюдь не инструмент, находящийся в нашем полном распоряжении. Напротив, философские понятия исподволь обуславливают наши исследования, навязывая постановки вопроса и дифференцируя предметные области. Обращение с философским понятием как

«формальным указанием» – это способ хоть в какой-то мере нейтрализовать и поставить под контроль нивелирующее воздействие понятийного языка философской традиции. В данном контексте «формально-указующее» понимание выражения «онтология» призвано блокировать укоренившуюся в традиции догматическую ориентацию на определенную предметную область – область природы. Ставя глобальный вопрос о всеобщих определенностях всего существующего, традиционная философия отвечает на него, беря за модель определенный тип сущего: неживую природу. С точки зрения Хайдеггера это обстоятельство следует расценивать не как ошибку, а как симптом, указывающий на одну неясную «бытийную» тенденцию, задающую определенную направленность как философскому, так и повседневному образу мыслей. Речь идет о нашей склонности к пониманию самих себя из чего-то другого, – и притом такого, что существует на совсем иных условиях, нежели мы сами. Предметное поле природы, рассматриваемое в качестве универсальной модели, заслоняет от человека его историчность, радикальным и последовательным выражением которой является идея фактичности. При этом сама наша историчность – и, соответственно, фактичность – мотивирует нас к такого рода интерпретации, т. е. к экстраполяции модели природы на все сущее. Тем самым не вневременная природа, а индивидуально-историческая фактичность (фактичная жизнь) оказывается подлинным, но вместе с тем и скрытым истоком действительного. На основании этого Хайдеггер делает вывод, согласно которому корректное онтологическое исследование возможно только как «герменевтика фактичности» [1, с. 1–3].

Фактичность и герменевтика

Второй по актуальности вопрос после вопроса о соотношении онтологии и фактичности звучит следующим образом: почему онтологическое исследование фактичности именуется герменевтическим, и что именно в этом случае подразумевается под герменевтикой?

Хайдеггер солидаризируется с античной трактовкой герменевтики, согласно которой герменевтика – это не столько теория или техника, сколько само исполнение интерпретации. Герменевтика для него – это, прежде всего, «определенное единство исполнения ἐρμηνεύειν (сообщения), т. е. *истолкования фактичности*, в котором фактичность встречается, становится зримой, схватывается и выражается в понятии» [1, с. 14]. Фактичность как первичная область феноменологически-онтологического исследования «расположена к истолкованию и требует его», поскольку к ее бытию принадлежит «быть как-то истолкованной» [1, с. 14]. Фактичность – это «фактичная жизнь». Исторично-фактичный

характер человеческой жизни выражается в том, что она имеет место способом истолкования, истолкования себя самой и всего того, что ее «окружает». Истолкование здесь – не род интеллектуальной активности человека, а способ, или «как» его бытия. Любое представление о бытии, в том числе и унаследованное нами из философской традиции, – это лишь определенная стадия и одна из конфигураций нескончаемого интерпретативного процесса, процесса артикуляции принципиально непрозрачной фактичности – того, что мы сегодня назвали бы социально-исторической действительностью. В состав этого процесса входит не только особый род деятельности, который мы ассоциируем с интерпретацией, но и все человеческое поведение – как теоретическое, так и практическое.

Тем самым выражение «герменевтика фактичности» требует двойного прочтения. Слово «герменевтика» обозначает здесь, с одной стороны, определенный теоретический подход к определенному полю исследований, а, с другой стороны, характеризует само это поле. Другими словами, герменевтика – это не только способ исследования фактичности, но и одна из ее основных черт. Два этих значения для Хайдеггера взаимосвязаны. Феноменологическая герменевтика – это лишь артикуляция тех интерпретативных *возможностей*, которые заложены в самой фактичности, составляя ее специфическую *действительность*.

Таким образом, бытие и фактичность, действительность и возможность образуют структурную связь. Бытие и действительность оказываются производными и зависимыми от возможностей фактичной, индивидуально-исторической жизни. Процессуально-интерпретативный, или перформативный характер фактичности служит помимо прочего своеобразной охранной грамотой, не позволяющей вернуть Хайдеггеру его упрек в противоречивости, адресованный традиционной онтологии. Фактичность, не будучи замкнутой предметной областью и, напротив, являясь смысловым источником любого разделения на регионы, и в самом деле составляет законное поле онтологического исследования.

При этом, правда, сама идея исследования претерпевает у Хайдеггера существенные изменения. Предпосылкой решения исследовательской задачи, а именно рассмотрения фактичности в аспекте ее основных онтологических характеристик, оказывается экзистенциально-практическая задача, задача становления вот-бытия «бодрствующим ради себя самого». Кроме того, эта задача не ставится перед фактичной жизнью специально. Она составляет сам способ бытия фактичности, которой всякий раз являемся мы сами. Методическая герменевтика фактичности вырастает из герменевтики как бытийной тенденции и черты самого

исследуемого предмета, т. е. фактичности. Позднее, в «Бытии и времени» мы найдем ту же мысль: «Вопрос о бытии есть не что иное, как радикализация принадлежащей самому вот-бытию сущностной тенденции, доонтологической понятности бытия» [3, с. 15]. Философия, таким образом, и к тому же «первая философия» как онтология берет на себя не абстрактно-теоретическую, а скорее этическую задачу. Исследователь должен оказывать противодействие интерпретативным тенденциям, которые помимо того, что препятствуют корректной постановке онтологического вопроса, еще и ограничивают его свободу. Вместе с познавательным эффектом герменевтика фактичности обладает еще и эмансипативным. Этот приоритет экзистенциально-практического измерения над теоретическим характерен для всего творчества Хайдеггера, и в его поздних работах он становится лишь более явным.

При этом не следует забывать, что «герменевтика фактичности» рассматривается Хайдеггером как развитие феноменологического проекта. В этой связи становится актуальным вопрос, каким образом перечисленные выше черты герменевтики фактичности сказываются на профиле феноменологической философии; другими словами, как соотносятся феноменология и герменевтика в концепции Хайдеггера?

Герменевтика и феноменология

При разработке своей версии феноменологии Хайдеггер берет за отправной пункт понятие феномена. Феномен, согласно Хайдеггеру, – категория не региональная, а тематическая. Это значит, что «феномен» подразумевает не род объектов или предметную область, а «отличительный род бытия-предметным: присутствие предмета из себя самого» [1, с. 67]. «Феномен» – это модус «данности», который индифферентен по отношению к многообразию предметных областей. Хайдеггер поначалу не дает позитивной характеристики этого «присутствия из себя самого», ограничиваясь формальной формулировкой. При этом формальная характеристика феномена выполняет позитивную методическую функцию. Претендуя на нормативный статус, она вынуждает ставить под вопрос любое определение любого предметного поля, претендующее на изначальность. Под подозрением оказывается и само соответствующее понятие изначального. Иными словами, основная методическая функция формального понятия феномена заключается в том, что оно инициирует историческую рефлексию, составляющую неотъемлемую часть самих феноменологических экспликаций. То, что подобного рода историческая рефлексия представляет собой не пропедевтику, а исполнение феноменологического исследования, находит свое объяснение в

принципиальной историчности (т. е. фактичности) любого, в том числе и феноменологически-экспликативного, опыта. Подверженность феноменологии искажающим самоистолкованиям, составляющим саму повседневность, или то, что Хайдеггера называет «сегодня», поясняет, в чем именно заключается структурная связь между феноменологической экспликацией, исторической рефлексией и герменевтикой фактичности. Феноменология, как и любое исследование, – это, прежде всего, не система высказываний, а форма самоартикуляции фактичности, для которой характерна тенденция к самосокрытию. Задача феноменологии не в том, чтобы нейтрализовать этот процесс самоинтерпретации как таковой (что с точки зрения Хайдеггера является nonsensom), а в том, чтобы – насколько это вообще возможно – оказать противодействие упомянутой тенденции в самоистолковании фактичной жизни. Или в терминах этого лекционного курса: дело не в том, чтобы избавиться от фактора «предвзятости», а в том, чтобы сформировать его так, чтобы само «предвзятие» стало зримым в качестве конститутивного, или «онтологического» момента, чтобы добиться «изначальности предвзятости». «Феномен», таким образом, представляет собой не объект, а регулятивный принцип, направляющий феноменологическое «исследование», включающее в себя и экзистенциально-практическую задачу «становиться и быть ради себя самого» [1, с. 15].

Отправным пунктом для разработки «изначального предвзятости» как фундаментальной предпосылки феноменологически-герменевтического анализа фактичности служит «формальное указание» предвзятости. Фактичная жизнь, или вот-бытие формально характеризуется как «бытие в мире». Это формальное указание затем конкретизируется в ряде дескрипций элементарных форм «бытия в мире». При этом особое эвристическое значение для Хайдеггера имеют не «описания» процесса восприятия окружающего мира, безнадежно инфицированные, как он полагал, «теоретическим», а «доонтологические» способы обращения с вещами, составляющие мир повседневности и всегда себя тем или иным образом интерпретирующие. Два описания одного и того же объекта – комнаты – наглядно демонстрируют различие между «дескриптивной» и «герменевтической» исследовательскими стратегиями. В восприятие, ведомое не абстрактным теоретическим интересом, а конкретно мотивированным практическим пониманием, интегрированы истории. Хорошо знакомые вещи обретают свое законное место во «всегда уже» обжитом мире, единство которого задается не предметными, а скорее смысловыми взаимосвязями. Поэтому описание такого мира имеет вид не научной констатации, а нарратива. Лишь утратив свое индивидуальное

и образное содержание эти *истории* способны постепенно превратиться в разные по масштабу *теории*, а знакомый мир повседневности в индифферентный объект научного «интереса». Отсюда уже недалеко до знаменитых интерпретаций вангоговского изображения «крестьянских башмаков» и идеи искусства как события истины.

Трудности перевода

Публикуемый ниже фрагмент перевода представляет собой краткий экскурс в историю и теорию феноменологии. Как и весь текст лекционного курса, значительная часть которого восстановлена по студенческим записям, этот фрагмент не был предназначен для публикации. Отсюда и большинство затруднений, с которыми сталкиваются переводчики этого текста. Главная из них даже не терминологическая, несмотря на то, что, по подсчетам переводчика этих лекционных записей на английский, в этом коротком тексте Хайдеггер использовал около пятидесяти неологизмов [2, с. 97]. Основное затруднение как раз стилистического свойства. Задачей переводчика в этом случае становится восстановление элементарной «читабельности» текста. Насколько удалось справиться с этой задачей переводчику текста на русский, судить читателю.

Отметим в заключение лишь пару терминологических моментов, которые могут быть интересны для историков феноменологической философии. Помимо прочего, текст лекционного курса представляет собой своего рода документирование процесса вызревания идеи и терминологического аппарата «фундаментальной онтологии», систематический очерк которой был дан в «Бытии и времени». Многие выражения, которые в «Бытии и времени» имеют четко очерченное значение, в этой лекции используются не в терминологическом смысле. Например, выражение вот-бытие (Dasein) нередко используется как обозначение для «отличительного способа бытия-предметным», т. е. как синоним «феномена». В лекции говорится не только о «вот-бытии» человека, но и предметов окружающего мира. «Быть вот» означает, прежде всего, «показывать себя из себя самого», т. е. в контексте первоначальных смысловых связей, которые объединяют в единое целое по имени «мир» не только подручные вещи, но и того, кто, «орудует ими». Кстати, в лекционном тексте, прочитанном за пару с небольшим лет до завершения работы над «Бытием и временем» все еще отсутствует терминологическое различие подручного и наличного. Более того, выражение «наличность» используется в том смысле, в каком в «Бытии и времени» употребляется «подручность». Еще одним, на наш взгляд важным, отличием этого лекционного курса от «Бытия и времени»

является доверие самому опыту. В то время как в «Бытии и времени» Хайдеггер сосредоточен на экспликации структур, здесь он – как и в большинстве курсов своего «раннего» периода – дает слово самим «феноменологическим данным», не столько (активно) «описывая» их, сколько (пассивно) следуя их «всегда уже» осуществившейся артикуляции.

1. Heidegger M. Gesamtausgabe, Bd. 63. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1995.
2. Heidegger M. *Ontology – The Hermeneutics of Facticity*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1999.
3. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer, 1967.